

Представляется, что статьи М. В. Нечкиной, посвященные вопросам преподавания истории в школе, остаются актуальными и в современной школе, поскольку в них предложены приемы работы с историческими источниками [9–12]. Особенно ценными (применительно к современной школе) являются ее размышления по поводу использования технических средств обучения. М. В. Нечкина отдавала предпочтение «уму и сердцу учителя – надежнейшим и не устаревшим средствам обучения и воспитания» [6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Нечкина М. В.** Читая Маркса. – М. : Наука, 1984. – 155 с.
2. **Нечкина М. В., Эпштейн Д. А.** Современный урок: опыт и размышления // Советская педагогика. – 1980. – № 5. – С. 77–79.
3. **Кинкулькин А. Т., Лейбенгруб П. С.** Ученый и школа // Проблемы истории общественной мысли и историографии. – М. : Наука, 1976. – С. 29–37.
4. **Нечкина М. В., Лейбенгруб П. С.** Новое учебное пособие по отечественной истории для VIII класса // Преподавание истории в школе. – 1968. – № 1. – С. 96–104.
5. **Нечкина М. В., Фадеев А. В.** Семиклассникам – об истории родной страны // Преподавание истории в школе. – 1962. – № 5. – С. 84–94.
6. **На письмо педагога отвечает** Милица Васильевна Нечкина, действительный член АН СССР и АПН СССР // Учительская газета. – 1984. – 6 марта.
7. **Нечкина М. В.** За активные методы обучения и воспитания // Учительская газета. – 1958. – 20 нояб.
8. **Нечкина М. В.** О преподавании истории в школе // Народное образование. – 1957. – № 2. – С. 93–94.
9. **Нечкина М. В.** Родина! Большое слово! // Учительская газета. – 1961. – 28 сент.
10. **Нечкина М. В., Лейбенгруб П. С.** Новое учебное пособие по отечественной истории // Преподавание истории в школе. – 1966. – № 5. – С. 69–76.
11. **Нечкина М. В., Кинкулькин А. Т.** Основа мировоззрения // Учительская газета. – 1966. – 20 авг.
12. **Буцтик Л. П.** Очерк развития школьного исторического образования в СССР. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1961. – 540 с.
13. **Нечкина М. В.** Это не приближает, а отдаляет школу от жизни // Правда. – 1959. – 2 окт.

УДК 930.2

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ В ТРУДАХ С. М. СОЛОВЬЕВА

И. В. Прокопьева (Новосибирск)

Цель статьи – обосновать использование С. М. Соловьевым описательно-повествовательного метода при характеристике исторической личности и образа отдельного государства в трудах историка, созданных в том числе по источникам личного происхождения. При этом источни-

Прокопьева Ирина Викторовна – аспирант кафедры всеобщей истории, историографии и источниковедения Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета. 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28.
E-mail: prokopieva_57@mail.ru

ки личного происхождения имеют субъект, объект действительности и являются в исследованиях С. М. Соловьева комплексом фактических сведений о прошлом.

Ключевые слова: описательно-повествовательный метод, источники личного происхождения, субъект и объект действительности, письма, образ Франции, личность Поццо ди Борго, Парижский университет.

THE PROBLEMS OF METHODOLOGY IN THE WORKS OF S. M. SOLOVYOV

I. V. Prokopieva (Novosibirsk)

The purpose of the article is to substantiate the usage of the descriptive-narrative method by S. M. Solovyov for the description of the historical personality and the image of the individual state in his works. Solovyov's works were created, in part, on the basis of personal sources. Furthermore, the personal sources had a subject and an object of the reality. In the works of S. M. Solovyov, the personal sources were a complex of factual data about the past.

Key words: the descriptive-narrative method, personal sources, the subject and the object of the reality, letters, works of S. M. Solovyov, the image of France, the personality of Pozzo de Borgo, the Paris university.

Среди методологических проблем в научном наследии С. М. Соловьева особенно выделяются проблемы, связанные с источниками личного происхождения. Такого рода источники являются важнейшей составляющей XVIII–XX вв. Нам представляется, что изучение проблем методологии имеет большое значение и необходимо при характеристике исторических явлений этого времени [1].

Появление источников личного происхождения представляет собой информационный процесс, в котором, как отмечал И. Д. Ковальченко, «фигурируют» (имеют место) *объект* – отражаемая реальность (или действительность), *субъект* – творец источника и *информация* – результат отражения действительности творцами источника [2, с. 128]. В научном творчестве С. М. Соловьева субъектами являются герои его трудов, сам историк как автор письма, объектами – историческая личность, государство, различные общества и др.

Исследователь С. О. Шмидт рассматривал источник, в том числе эпистолярный, как источник информации, подчеркивая, что «источники исторического происхождения» – это «основные источники познания прошлого человека и его современного состояния» [3, с. 77, 84]. Историк А. Г. Тартаковский такой подход к изучению источников определял следующим образом: использование источников как фактических сведений о прошлом, носителей информации об отраженной в них эпохе, как источников для познания ее истории [4, с. 4]. Именно так, с нашей точки зрения, подходил Соловьев к источникам личного происхождения, в том числе эпистолярным, в рамках описательно-повествовательного метода при характеристике личности государственного деятеля и образа государства.

Среди методов в исторических и историографических работах С. М. Соловьев использовал сравнительно-исторический, описательно-повествовательный, биографический и др. В данной статье нами уделено внимание описательно-повествовательному методу, который С. М. Соловьев применял при характеристике субъекта и объекта действительности. Нами определена историческая личность в трудах историка как субъект действительности, а объектом действительности является государство.

Описательно-повествовательный метод Соловьев использовал при составлении образа государства как объекта действительности в исследовании «Поццо ди Борго и Франция» (Поццо ди Борго – дипломат, представитель России в Париже в первой половине XIX в.). Среди основных источников для написания указанного исследования большое значение, как отмечал С. М. Соловьев, имели «свидетельства о внутреннем состоянии Франции» [4, с. 124, 138]. В этой работе «свидетельства» дипломата представлены источниками личного происхождения (в том числе это письмо Поццо к графу Нессельроде от 21 января 1826 г., источники, датированные 16 декабря 1824 г., 25 марта 1825 г., 6 февраля 1829 г. и др.). Описывая образ Франции периода 1824–1831 гг. глазами Поццо ди Борго, С. М. Соловьев показывал, ссылаясь на его письмо к графу Нессельроде от 21 января 1826 г., что краеугольным камнем внешней политики для России были отношения России и Франции, которые определялись внутренней политикой во Франции. Историк цитирует Поццо, обозначая и подчеркивая его позицию: «Англия соперничает с Россией и завидует ей, потому, что Россия стала главным государством на континенте», союз Франции и России «озабочивает Англию и делает для нее невозможным образовывать континентальные союзы», «Австрия – единственное государство, к которому она могла бы обратиться с этой целью; но пока Франция останется свободной в своих движениях и в употреблении своих сил, Австрия не осмелится разорвать с Россией» [5, с. 131].

Образ Франции глазами Поццо представлен С. М. Соловьевым следующей краткой характеристикой: «в это время она [Франция. – *И. П.*] установила королевскую власть, увеличила общественное благосостояние и рассеяла остатки революции» [5, с. 125]. В исследовании С. М. Соловьева имеется описание Поццо ди Борго Карла X, кабинета министров, «главы министерств» Ж.-Б. Виллеля. С. М. Соловьев, учитывая сведения, содержащиеся, в том числе в свидетельствах дипломата, подчеркивал консервативные взгляды короля: «Карл X <...> не хотел изменить всему своему прошедшему, изменить началам, которых он был ежечасным провозглашителем». Историк, основываясь на источниках личного происхождения, указывал на такую сторону национального характера короля как обходительность: «он мог <...> приобретать популярность, для чего он имел средства в своем привлекательном и национальном характере», «Карл X в первые дни по восшествии на престол обворожил всех своею любезностью» [5, с. 126]. Соловьев посредством «свидетельств» Поццо ди Борго прослеживает отношение народа к королю, который в начале своего правления находит поддержку народа. Позднее, характеризуя государство в 1827 г., Соловьев писал, что «Франция управляется слабо и неразумно; народ это чувствует, но так умен, сто терпит» [5, с. 134]. В связи с этим отношение

народа к королю изменяются на противоположные: «в либеральных газетах замолкли хвалебные гимны королю», «король <...> потерял привязанность столичного народонаселения» [5, с. 127, 136],

Для характеристики «первого министра» и отношения к нему короля С. М. Соловьев привел описание Поццо, выявленное по его «свидетельствам»: «сам Виллель был человек способный, но взятое им на себя количество дел не было по его силам» [5, с. 132, 137–138], «страсть Виллеля все делать самому, не спрашивая ни у кого мнения, делает то, что его проекты являются неполными и часто подвергаются неотразимым возражениям». Несмотря на это «король <...> убежден, что между <...> людей он не может найти никого способнее Виллеля управлять делами монархии; министр обладает в высшей степени искусством держать короля в этом убеждении» [5, с. 129].

На основе свидетельств Поццо ди Борго, С. М. Соловьев описывает внутренние противоречия, происходящие во французском обществе в начале второй четверти XIX в., связанные с «операцией денежного вознаграждения эмигрантам», которая «должна была окончательно примирить» старую и новую Францию [5, с. 127]. Соловьев выделил причины частного характера, касающегося вопроса эмигрантов, одной из которых он назвал «поспешность», имеющуюся только в источниках личного происхождения. Анализируя деятельность Ж.-Б. Виллеля, историк приходит к выводу: «поспешность, с какою составлен был закон, неполнота собранных фактов и постоянная цель министра сделать из этого вознаграждения средство, зависящее большей частью от его личного расположения и влияния, была причиной неудовлетворительности его работы» [5, с.129].

С. М. Соловьев приводит характеристику Поццо ди Борго, данную им некоторым членам нового министерства: «Мартиньяк – оратор министерства», «Шатобриан – отличный человек, способный к административной карьере, но боязливый, застенчивый и не обладает твердостью, необходимой для соединения около себя людей честолюбивых, которые признавали бы его своим вождем» [5, с. 138].

Соловьев дополняет образ Франции описанием Парижского университета второй четверти XIX в. Описательно-повествовательный метод историк также использовал и при характеристике впечатлений о Парижском университете. Исследование представляет собой эпистолярный источник – письмо С. М. Соловьева от 23 июня 1843 г. [6].

Субъектом действительности является Соловьев, объектом – образ Парижского университета, информация этого эпистолярного источника отражает впечатления и соображения автора от преподавания в этом университете в 1843 г. Историк так определил цель написания исследования: «я хочу сообщить <...> впечатление, произведенное на меня способом преподавания, показать, как профессора понимают свое назначение и какие средства выбирают для достижения своих целей» [6, с. 11]. Эпистолярный источник в данном случае является «результатом моих [С. М. Соловьева – И. П.] наблюдений, касательно этого предмета» [6, с. 11]. Таким образом, можно заключить, что указанный источник С. М. Соловьева представляет собой нарратив (исследование) философского характера, содержащий сведения о европейском обществе, о «двух элементах человечес-

кой сущности <...> – мысли и чувствах» [5, с. 11–12].

По мнению Соловьева, предназначение университетского преподавания в том, что «мысль и чувство должны быть соединены», «профессор должен быть человеком мысли и человеком чувства, ученым и оратором вместе, высказывать истину и заставлять любить ее» и «сообщать своим слушателям способность ко всему хорошему; одним словом, профессор должен владеть <...> в равной степени: доказательством и убеждением» [6, с. 13–14]. В европейском обществе, как писал Соловьев, полагали, что «два элемента человеческой сущности» – мысль и чувство, философия и религия «никогда не могут быть соединены», поскольку «человечество обречено на вечную внутреннюю борьбу, из которой проистекают все его бедствия». Соловьев по этой проблеме имел противоположную точку зрения, считая, что в университетах соединение мысли и чувства не только возможно, но и необходимо [6, с. 11–12]. Познание мира у С. М. Соловьеву должно осуществляться не только посредством разума (по словам историка, «мысли»), но также включать эмоциональную составляющую (то есть «чувства»), которая определяет значение получаемого в университете знания при его применении в дальнейшей деятельности слушателя.

Указанный источник позволяет Соловьеву представить историческую личность как очевидца событий, его взгляд на современное ему состояние Франции. Поццо ди Борго – автор эпистолярных источников, в описании С. М. Соловьева представлен как «внимательный и проницательный наблюдатель», добросовестно и последовательно изложивший увиденные им события. Как писал С. М. Соловьев, Поццо был «верен своей дипломатической задаче, верен мысли Александра I, считая необходимым в интересах России и Европы поддерживать хорошие отношения между Россией и Францией» [5, с. 124, 143]. Можно подчеркнуть, что предметом исследования С. М. Соловьева было не только государство, но и современник описываемых событий, неслучайно Соловьев включил их в название нарратива – «Поццо ди Борго и Франция».

Итак, в представленных нами примерах, анализируя источники личного происхождения, С. М. Соловьев посредством описательно-повествовательного метода охарактеризовал личность Поццо ди Борго, французское государство и Парижский университет в начале второй четверти XIX в. (в 1824–1831 гг.).

Источник при описании перечисленных субъектов и объектов действительности является «нарративной субстанцией», которая представляет собой «тезис о прошлом», то есть комплекс высказываний, выражающих определенные факты, необходимые С. М. Соловьеву для характеристики времени [7, с. 14–15, 51]. При описании конкретного события историк цитировал источники, желая подчеркнуть субъективную точку зрения их авторов, и выражал свое мнение по отношению к европейскому обществу и способу преподавания в университетах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. – М. : Наука, 2003. – 496 с.

2. Шмидт С. О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. – М., 1997. – 612 с.
3. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения / отв. ред. Л. Г. Бескровный. – М. Наука, 1980. – 312 с.
4. Соловьев С. М. Поццо ди Борго и Франция. Начало второй четверти XIX в. // Соловьев С. М. Соч. : в 18 кн. – М. : Мысль, 2000. – Кн. XXIII. – С. 122–155.
5. Соловьев С. М. Парижский университет. Письмо из Праги от 23 июня 1843 года // Соловьев С. М. Соч. : в 18 кн. – М. : Мысль, 2000. – Кн. XXIII. – С. 11–24.
6. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историка. – М. : Идея–Пресс, 2003. – 360 с.
7. Умбрашко К. Б. Истоки развития исторических знаний в России в первой половине XIX в. // Философия образования. – 2006. – Спец. вып. 2. – С. 100–105.

УДК 1(470) (091) (092)

РУССКИЙ ФИЛОСОФ НИКОЛАЙ ФЕДОРОВ В ПОИСКАХ «МУЗЕЙНОЙ РЕЛИГИИ»

В. Н. Сорокин (Новосибирск)

Сочинения известного русского философа Николая Федорова, посвященные музеям, привлекли внимание широких кругов музеологов только в постсоветский период. Федоров рассматривал музей как последний остаток культа предков, изгоняемый из религии и восстанавливаемый в виде музеев. Философ сам работал библиотекарем в Румянцевском музее четверть века и был человеком, знавшим особенности музейной среды очень хорошо. Он был готов использовать музеи для формирования нового религиозного движения, подобно тому, как Рерих использовал живопись, а Толстой – литературу.

Ключевые слова: религиозное мировоззрение, «музейная религия».

RUSSIAN PHILOSOPHER NIKOLAY FYODOROV IN SEARCH FOR A MUSEUM RELIGION

V. N. Sorokin (Novosibirsk)

The writings of the well-known Russian philosopher Nikolay Fyodorov, addressing the issue of museums, have drawn attention of a wide circle of professional museologists only in the post-soviet period.

Fyodorov considered the museum to be the last leftover of the veneration of the dead, a particular sort of this cult, which, being expelled from religion (as in Protestantism), rehabilitates itself in the museum.

The philosopher himself had worked as a librarian in the library of the Rumyantsev Museum for a quarter of a century and was a person who knew the

Сорокин Владимир Николаевич – доцент кафедры теории, истории культуры и музеологии Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета.

630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28.

E-mail: imr-nsru@yandex.ru